

Вступительное слово

Идея данной книги родилась во время подготовки монографии «Грани русского раскола: заметки о нашей истории» (М. 2013). Знакомство с материалами имперского периода показало, что эпизодами противостояния Петербурга и Москвы неизменно переполнено историческое полотно нашего дореволюционного прошлого. Поэтому мысль выделить их в самостоятельный сюжет выглядела весьма интересной и привлекательной. Очевидно, что такая исследовательская «оптика» дает возможность по-новому взглянуть на многие узловые точки имперской России, лучше осознать значимые вехи российской истории.

Конечно, борьба двух столиц в историографии никогда не оставалась без внимания, ее перипетии всегда вызывали интерес. Однако, как правило, исследователями это противостояние, происходившее на различных этапах, рассматривалось или с экономической или с политической точки зрения. Между тем, именно комплексный взгляд на данный процесс представляется наиболее плодотворным. Важное значение имеет более глубокое понимание происхождения этих двух наиболее крупных группировок российской буржуазии, а также их соперничество в пореформенный период, не выходящее тогда за исключительно коммерческие рамки.

Но рубеж XIX–XX века стал переломным этапом в российской истории, где противоречия питерских и московских интересов сыграли судьбоносную роль. Именно с этого времени борьба двух буржуазных кланов выходит на новый — политический уровень. Объяснение этого, а точнее политической оппозиционности Первопрестольной является одной из главных задач данной работы. Тем самым, в ней делается попытка уйти от того пресловутого классового подхода, который долгие десятилетия оставался краеугольным камнем советской исторической науки. Науки, ориентировавшейся

не на реальные факты и источники, а на иллюстрацию ленинских выводов и замечаний, высказанных преимущественно в публицистическом ключе и обслуживавших сугубо конкретные задачи.

Особенно интересно противостояние питерского и московского клана после крушения царизма в феврале-марте 1917 года. Эта, казалось бы, хорошо известная страница российской истории с точки зрения подхода, предложенного в книге, становится более проработанной и понятной. Несостоявшийся триумф московского купечества и его политических союзников, попытки питерцев восстановить свои позиции в новых условиях, выступление генерала Корнилова рассматриваются сквозь призму противостояния двух столиц.

Выделение двух буржуазных групп в качестве объекта исследовательского интереса представляется оправданным еще и потому, что другие региональные группировки капиталистов занимали подчиненное положение по отношению к Петербургу или Москве. К примеру, достаточно мощное волжское купечество издавна ориентировалось на Московский биржевой комитет, рассматривая его как главного представителя своих интересов на всероссийском уровне. Или южная индустрия, которая была создана на иностранные инвестиции, с момента своего возникновения функционировала в тесном сотрудничестве с бюрократическими верхами. Финансовое обслуживание и кредитование горных и металлургических предприятий осуществляли питерские банки или их филиалы, расположенные на Юге страны.

Фактический материал, собранный в книге, подводит к пониманию того, как формулировались представления о модернизации России. Петербург выработал и осуществлял свой путь, который и реализовывался столичной предпринимательской группой. Роль оппонента играло московское купечество, руководствовавшееся совсем иными идеологическими приоритетами. О том, как это происходило и какую роль сыграло в отечественной истории рассказывает данная книга.

Глава первая

ПРАВЯЩИЙ КЛАСС И КУПЕЧЕСКО-КРЕСТЬЯНСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

Капиталистические отношения в России, как известно, формировались по-разному, а точнее, двойственным путем: из верхов и из низов. В первом случае речь шла о реализации государством своих потребностей, главным образом фискального и военного характера. Для этого правительства насаждали промышленное производство и торговлю, способные на должном уровне выполнять разнообразные заказы казны. Во втором случае опорой экономического развития становилась частная инициатива, стимулируемая непосредственно свободным рынком. Как известно, российские деловые традиции восходят, в первую очередь, к начинаниям властей, заинтересованных в становлении торгово-мануфактурного сектора. Самые значительные из них с XVII века являлись уделом приближенных царя, которые ориентировались на зарубежных коммерсантов. Причем предпринимательство как таковое не пользовалось расположением широких народных масс, живущих ремесленным трудом преимущественно в условиях натурального хозяйства.

Экономический переворот в России начала XVIII столетия, разумеется, связан с Петром I. Его масштабные деяния, направленные на то, чтобы сравняться с ведущими державами, потребовали мобилизации всех ресурсов. Новые подходы к экономическому развитию зафиксированы в законодательных актах того времени. Так, в 1711 году власти провозгласили право заниматься торговлей и ремеслами «людям всякого звания...ежели не будет какого препятствия»¹. Цель обо-

¹ См.: Указ «О предоставлении права заниматься торговлей людям всякого звания». 2 марта 1711 года // ПСЗ. № 2327. Т. 4. СПб, 1830. С. 634.

значалась предельно четко и откровенно: «денег как возможно собирать, понеже деньги суть артерия войны». Неудивительно, что в этом документе говорится и об улучшении персидского торгова, и о приезде армян, которых «надо приласкать и облегчить в чем пристойно»¹. Большие ставки правительство делало, конечно, на европейских мастеров, располагавших нужным опытом и знаниями в организации производств и мануфактур. К примеру, в указе от 5 ноября 1723 года среди разного рода промышленных проблем отмечено, что в России (в отличие от западных стран) мало желающих заводить фабрики, поскольку «наш народ, яко дети... которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят»². И действительно, попытки властей поощрить предприимчивость и деловую инициативу находили слабый отклик у тех, кому, собственно, адресовались, — у дворян. Интересы нового правящего сословия концентрировались вокруг землевладения; к различным торговым и ремесленно-мануфактурным делам оно проявляло безразличие, по сути, просто брезгуя ими заниматься. Вспомним пушкинского «Арапа Петра Великого». Дворянин Корсаков, вернувшись из-за границы, был глубоко потрясен аудиенцией у российского самодержца, принявшего его в холстяной фуфайке на мачте строящегося корабля. В свою очередь, Петра изумили бархатные штаны молодого человека, которые годились лишь для развлечений, но никак не для созидательной деятельности³.

Нежелание служивого дворянства самостоятельно приобщаться к ремеслам и промышленности инициировало организацию фабрик и заводов преимущественно сверху. В Российской империи, неумолимо выстраиваемой Петром I на западный манер, промышленное строительство оставалось на периферии. В этом состоит сущностная черта высшего российского общества, в корне отличавшая

¹ См.: Сенатский указ «Подробные распоряжения в исполнение Высочайших пунктов, состоявших 2 марта 1711 года». 13 апреля 1711 года // ПСЗ. № 2349. Т. 4. С. 663–664.

² См.: Сенатский указ «О заведении в России фабрик, об освидетельствовании мастеров, вызванных из других государств, об отпуске их в отечество по миновении сроков по контрактам и др.». 5 ноября 1723 года // ПСЗ. № 4345. Т. 7. С. 150–151.

³ См.: Пушкин А.С. Арап Петра Великого. Т. 5. М., 1960. С. 21, 25 // Собр. соч.: В 10 т. М., 1959–1962.

его от европейских элит, давно оценивших преимущества торговли и производства. На Западе промышленное становление происходило благодаря предпринимательским инициативам различных слоев населения, а в России — благодаря усилиям государства, понимающего, что иначе занять достойное место среди европейских стран будет сложно. Вспомнили даже о тех, кто был вытеснен из управленческой вертикали, отстранен от собственности (земельного фонда страны) — т.е. о старообрядцах. Правительство, серьезно заинтересованное в развитии торговли и промышленности, быстро ощутило созидательный настрой этой категории населения, а потому уже Петр I проблемы религиозной принадлежности отодвинул на второй план, хотя, разумеется, и не снял окончательно. Главным критерием стала полезность в хозяйственном строительстве, а не активность в вероисповедных дискуссиях. Собственно, сама легализация раскола, предпринятая Петром I, была продиктована прежде всего экономическими мотивами. Отсюда хорошо известные свидетельства терпимости и поощрения им тех представителей раскола, кто демонстрировал готовность проявить себя не на религиозном, а на хозяйственном поприще. Так, император не брезговал контактами с тем же Андреем Денисовым — легендарной фигурой староверческого мира, основателем Выгорецкой общины, развернувшей обширную экономическую деятельность и снабжавшую стройматериалами и продовольствием быстро растущий Петербург. Прикрепление этого общежития к Олонецким петровским заводам коренным образом изменило его правовое и, как следствие, конфессиональное положение. Выговцы обязывались разрабатывать месторождения руды, взамен же получали возможность вести богослужение по старопечатным книгам. Их община признавалась самостоятельной хозяйственной единицей с выборным старостой, что подтверждалось специальными указами, ограждающими его от обид и притеснений со стороны светских и духовных лиц¹. Петр I поручил также эксплуатацию горных заводов Урала тульскому кузнецу раскольнику Никите Демидову, который вошел в историю как один из организаторов российской металлургии. Очевидно, что и здесь

¹ О взаимоотношениях выговцев и властей в петровскую эпоху см.: Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Т. 1. М., 2002. С. 39–44.

главным критерием были деловые качества, а не конфессиональная принадлежность.

Привлекая в торгово-мануфактурную сферу свежие силы, правительство пыталось перегруппировать ее и внедрить в отечественную практику цеховую производственную систему. В 1721 году был введен «Регламент Городского Магистрата», которым посадское население городов делилось на две гильдии по цеховому принципу. В первой состояли банкиры (ростовщики), лекари, аптекари, живописцы, шкиперы кораблей, крупные купцы, имеющие отъезжие торги; во второй — резчики, токари, слесари, столяры, портные, сапожники и т.д. Все прочие, «обретающиеся в наймах и черных работах», числились «подлыми людьми»¹. К тому же представители каждого ремесла образовывали «свои особливые цехи» со своими уставами и правилами, определяющими права ремесленных людей. Формуляр к «Регламенту», с профессиональных позиций описывающий жителей городов, содержит около шестидесяти наименований специальностей². Такой подход был призван реформатировать торгово-промышленное население городов по западному образцу, однако дальше заимствования внешней стороны европейской организации дело не пошло. Спущенная сверху новая предпринимательская структура довольно быстро начала растворяться в прежней купеческой градации московского царства, которая базировалась исключительно на финансовой и имущественной состоятельности. В результате распределение городского населения согласно переделанной на европейский манер торгово-ремесленной системе снова происходило не по профессиональному, а по хорошо знакомому принципу тяглоспособности³. Эта практика полностью соответствовала менталитету предпринимательских слоев той поры. Так, идеолог российского купечества первой половины XVIII века Иван Посошков в своем известном труде «О скудности и богатстве» предлагал даже одевать торговых и посадских людей, исходя из их благосостояния: «У кого сколько капитала, в зависимости от этого и оде-

¹ См.: «Регламент, или Устав Главного Магистрата». 16 января 1721 года // ПСЗ. № 3708. Т. 6. С. 295.

² См.: Там же. С. 306–307.

³ См.: *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России в XVIII в. М., 1903. С. 4, 130 и др.

вать»¹. И далее следовало подробное описание гардероба для обладателей крупных и незначительных денежных сумм, а тех, «кто оденется не своего чина одеждою, то наказание чинить ему жестокое»². Неудивительно, что возврат к старой предпринимательской структуре, т.е. не по профессии, а по объявленному капиталу, государство окончательно совершило уже в начале сороковых годов XVIII столетия. Оставив затею с цеховой системой, Елизавета I специальным указом разделила все купечество на три гильдии. Собственно, этот документ адресовался купеческим старшинам и старостам, обязанным учитывать входящих и выходящих из гильдий, записывать их перемещения, а главное — строго контролировать сборы податей, «которые неотложно по указам собираемы быть имеют»³. О каких-либо профессиональных началах здесь речь уже не шла.

Неудача этой реформы весьма показательна: усилия Петра I в промышленной сфере не получили того развития, на которое рассчитывал их начинатель. Приходится констатировать, что в последующие годы его многообразные инициативы не привели к формированию рыночных условий хозяйствования. Немногочисленные акты по регулированию промышленной сферы в первой половине XVIII века свидетельствовали о заботах правительства не столько по формированию рынка, сколько по обеспечению российской армии необходимой продукцией. Например, при Анне Иоанновне в указе от 7 января 1736 года говорилось о необходимости «размножения фабрик, а особливо суконных и прочих надлежащих к мундиру и амуниции» — именно таким производствам обещалась казенная поддержка⁴. Или указ от 18 ноября 1732 года: он ставил задачу снабжения сукнами (без закупки иностранных) не населения империи в целом, а именно российских войск⁵.

¹ См.: *Посошков И.Т.* О скудности и богатстве. М., 2003. С. 115.

² См.: Там же. С. 116–117.

³ См.: «Инструкция Московского купечества первой, второй и третьей гильдии Старшинам и Старостам с товарищи». 19 января 1742 года // ПСЗ. № 8504. Т. 11. С. 560–565.

⁴ См.: Указ «Об укреплении за фабриками, оказавшихся у них на мануфактурах разного ведомства людей и крестьян». 7 января 1736 года // ПСЗ. № 6858. Т. 9. С. 708.

⁵ См.: Указ «О способах к размножению фабрик суконных, для удовлетворения сукнами войск, без покупки чужестранных». 18 ноября 1732 года // ПСЗ. № 6262. Т. 8. С. 976–977.

Индустриальное развитие, инициированное сверху, предусматривало привилегии производствам в сочетании с плотной опекой государства, ждущего безусловного удовлетворения своих запросов. В результате создаваемый таким путем мануфактурный мир квалифицировал себя не в качестве свободного предпринимателя западного типа, а в качестве своего рода правительственного агента, хорошо осознающего, что без поддержки власти затевать какие-либо дела бессмысленно. Предприниматели той поры безоговорочно признавали экономическую власть правительства, которое может командовать частным хозяйством, как своими вооруженными силами¹. Государство выступало главным потребителем продукции промышленного сектора, помогало в условиях дефицита рабочими, а потому жестко регламентировало производственные процессы, устанавливало штрафы за плохое качество. Понятно, что в подобной обстановке охотников открывать фабрики находилось весьма немного². К тому же законы той поры запрещали заведение фабрик и мануфактур крестьянам³, что, с учетом нежелания дворянства погружаться в хозяйственные дела, являлось серьезным сдерживающим фактором в развитии производств.

Тем не менее промышленные подходы, намеченные Петром Великим, с пятидесятих годов XVIII века получили всестороннее развитие. К этому времени правящий класс все больше осознавал Российскую империю подлинно европейской державой, чье место среди ведущих государств не должно вызывать сомнений. Однако амбициям такого уровня требовался прочный финансовый фундамент, позволяющий претворять их в реальную политику. С необходимостью финансовой оплаты возрастающих международных претензий и с дефицитом казны столкнулось правительство дочери царя-пре-

¹ Мысль о всевластии правительства в промышленных и финансовых делах хорошо прослеживается в творчестве купца И. Т. Посошкова. Примечательно, что он усматривал в этом обстоятельстве не минус, а крупное преимущество отечественного предпринимательства перед иноземным. См.: *Посошков И. Т.* О скудности и богатстве. С. 110, 209.

² См.: *Нисселовиг Л. Н.* История фабрично-заводского законодательства российской империи. Ч. 1. СПб., 1883. С. 54, 60.

³ См.: Указ «О способах к размножению фабрик суконных, для удовлетворения сукнами войск, без покупки чужестранных». 18 ноября 1736 года // ПСЗ. № 6262. Т. 9. С. 976.

образователя — Елизаветы Петровны. Решение этих проблем входило в непосредственную обязанность ближайшего соратника императрицы графа П.И. Шувалова, ведавшего в правительстве военно-экономической сферой¹. Он выступил с цельной программой экономического развития страны. Речь в ней шла, во-первых, о «сбережении» русского народа или, говоря иначе, о кардинальном расширении круга налогоплательщиков, а во-вторых — о максимальном вовлечении «сберегаемого» народа в торгово-мануфактурные и ремесленные дела. Программа презентовалась как непосредственное продолжение традиций великого преобразователя. К утверждению курса на развитие торгово-промышленного сектора власти подходили, опять-таки, с фискальных позиций, видя здесь серьезный источник бюджетных поступлений. Поэтому в повестку дня включалось создание условий для торгово-мануфактурной деятельности (по сути, со времен Петра I в этом направлении делалось крайне мало). Но главное было в другом: теперь акцент делался не на поддержке конкретных лиц, а на формировании рыночной среды. Отсюда возник вопрос о расчистке внутреннего рынка страны, опутанного всевозможными региональными пошлинами. В таких условиях ни о какой полноценной рыночной торговле говорить не приходилось: таможенные барьеры вели к неоправданному удорожанию продукции и затрудняли товарооборот в целом. Конечно, власти знали об этом и раньше, но только елизаветинское правительство проявило политическую волю, решив кардинально изменить существующее положение. 20 декабря 1753 года был обнародован указ, унич-

¹ П.И. Шувалов (1711–1762) — один из активных участников возведения на трон Елизаветы I, с 1746 года граф. Его жена М.Е. Шепелева являлась наперсницей императрицы, а двоюродный брат И.И. Шувалов с 1749 года был ее фаворитом. П.И. Шуваловым разрабатывались и вносились в Сенат многие наиболее значимые проекты законов и указов по экономическим вопросам. Свою деятельность по развитию капиталистических отношений в России он определял как продолжение преобразований Петра Великого. П.И. Шувалов также выступил в качестве крупного предпринимателя того периода, владея различными предприятиями и развивая их, участвуя в обширной экспортной торговле. Вел роскошный образ жизни, оставив после себя около одного миллиона рублей долгов, из-за чего многие его заводы были конфискованы казной. Подробнее о нем см.: *Корякина Е.П.* Программа социально-экономических преобразований П.И. Шувалова. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1992.

тожающий на территории России многочисленные внутренние пошлины¹. Эта мера способствовала активизации внутрirosсийской торговли, и с принятия данного акта, собственно, и началось реальное структурирование торгового ландшафта империи. Как заметил С.М. Соловьев, «русская земля была давно собрана, но внутренние таможи разрывали ее на множество отдельных стран, уничтожением внутренних таможен Елизаветою заканчивалось дело, начатое Иваном Калитой»².

Но для нас наиболее важен другой аспект. Создание внутреннего российского рынка требовало определить движущую силу, которая бы наполнила это экономическое пространство реальным содержанием. Неповоротливое дворянство, далекое от торгово-мануфактурных дел, и пока еще малочисленное купечество были не в состоянии освоить открывавшиеся возможности. К тому же они традиционно были завязаны на внешнюю торговлю и на выполнение государственных заказов, а потому с опаской относились к рыночной среде, считая ее недостаточно надежной. Все это хорошо понимал архитектор нового экономического курса П.И. Шувалов. И потому сделал ставку на самое многочисленное сословие — крепостное крестьянство (другого просто не было). Это выглядело новаторски. Напомним: людям из крестьянского сословия всегда запрещалось заведение фабрик и мануфактур, а организация так называемых «безуказных» производств, т.е. начатых без разрешения властей, жестоко каралась конфискационными мерами³. Мелкая крестьянская торговля представляла собой, по большому счету, обычный натуральный обмен, лишенный каких-либо фискальных перспектив. Только вовлечение как можно большего количества людей в товарно-денеж-

¹ См.: Указ «Об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов». 20 декабря 1753 года // ПСЗ. № 10164. Т. 13. С. 947-953.

Идеи данного указа закреплялись в «Таможенном Уставе», принятом 1 декабря 1755 года. Его преамбула гласила: «К облегчению всенародному надлежит все внутренние пошлины уничтожить и разного звания пошлинные и прочие изнутри Нашего Государства собираемые сборы, от которых всегдашнее Нашим поданным происходило отягощение и немалое разорение» // ПСЗ. № 10486. Т. 14. С. 462.

² См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 13. М., 1964. С. 179.

³ См.: Указ «О запрещении заводить фабрики без дозволения Мануфактур-Коллегии». 15 октября 1751 года // ПСЗ. № 9889. Т. 13. С. 507.

ную сферу могло преобразить экономику, став надежным источником налоговых поступлений в казну. Поэтому П.И. Шувалов предусматривал создание условий для обширной крестьянской торговли. Собственно, на решение этой задачи нацеливалась и денежная реформа, проведенная в стране по его инициативе. В обращение вводились более мелкие денежные единицы, что позволяло осуществлять в первую очередь незначительные и массовые торговые расчеты. Осознавая дефицит таких денег, правительство выпустило значительное количество медных и серебряных разменных монет¹.

Стремление дать крестьянству предпринимательскую свободу вызывало немалые опасения со стороны старого купечества, привыкшего к системе опеки. Поэтому в процессе обсуждений проекты по поддержке крестьянской торговли смягчались с учетом требований крупных купцов². Но главное было достигнуто: торгово-ремесленная сфера повсюду стала наполняться крестьянским людом. Важно подчеркнуть, что это стало возможным благодаря стремлению создать условия не для избранных сверху, а для всех желающих заняться торговлей, ремеслами и промыслами; задать параметры той хозяйственной среды, в которой можно самостоятельно проявить себя. Очевидно, что этот подход заметно отличался от порывов Петра I, который выхватывал годных для строительства мануфактур и фабрик людей в ходе случайных встреч.

Реализация шуваловских идей явилась главным делом продолжительного царствования Екатерины II — ключевого для формирования российского капитализма. Императрица твердо следовала курсу, намеченному ее предшественниками. В частности, продолжила политику по возвращению в страну бывших подданных, тем более что негативные последствия миграции предыдущих десятилетий ни у кого не вызывали сомнений. (По полученным правительством данным, к началу шестидесятых годов XVIII века в Польше и Турции, например, проживало не менее 1,5 млн бывших российских подданных и их

¹ См.: Указ «О делании новых медных копеек для лучшего распространения и умножения коммерций». 7 марта 1755 года // ПСЗ. № 10370. Т. 14. С. 323; «О делании новых серебряных пятикопеечников». 25 мая 1755 года // ПСЗ. № 10415. Т. 14. С. 369.

² См.: *Волков М.Я.* Отмена внутренних пошлин в России // История СССР. 1957. № 2.

потомков — это только мужского пола¹.) Наиболее ранним и значимым на этом пути законодательным актом можно считать Манифест от 4 декабря 1762 года — о позволении всем иностранцам (кроме евреев) селиться в России. Особенно же он был обращен к бывшим подданным — к ним, помимо прочего, адресовалось материнское увещевание². О том, что авторы манифеста рассчитывали на возврат прежде всего беглых россиян, красноречиво свидетельствует изданный спустя десять дней специальный указ — о позволении старообрядцам не просто приходить в отечество и селиться в «порожных отдаленных местах», но располагаться в губерниях Центра и Поволжья, перечисленных в реестре. Причем текст указа был практически идентичен формулировкам манифеста³. А через месяц с небольшим это предложение продублировал еще один указ, но уже с существенным дополнением: раскольники могут поселяться вообще где угодно, обид им чинить никто не посмеет⁴. Все эти призывы сопровождались обещаниями различных льгот, освобождением от податей и работ в течение шести лет. Вместе с тем власть показала, что ее благорасположение имеет четкие пределы: оно распространялось исключительно на тех, кто самовольно покинул страну до опубликования Манифеста; если же это произошло после 4 декабря 1762 года, беглецов ожидали суровые преследования⁵.

¹ См.: Челобитная, поданная в Правительствующий Сенат, вышедшего из Польши доропецкого купца Мирона Плотникова. Март 1762 года // РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1491. С. 138–139.

² См.: Манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу». 4 декабря 1762 года // ПСЗ. № 11720. Т. 16. С. 126–127.

³ См.: Указ «О позволении раскольникам выходить и селиться в России на местах, означенных в прилагаемом реестре». 14 декабря 1762 года // ПСЗ. № 11725. Т. 16. С. 129.

⁴ См.: Указ «О распоряжениях по поселению выходящих из Польши беглых раскольников и об отпуске их без обид и удержания в те места, кто куда для поселения идти пожелает». 20 января 1763 года // ПСЗ. № 11758. Т. 16. С. 140–142.

⁵ См., напр.: Указ «О вызове из Польши и Литвы беглых российских помещичьих и всякого звания людей, о дозволении им селиться в казенных волостях, где кто пожелает, и о даче им льготы от податей и работ на 6 лет». 13 мая 1763 года // ПСЗ. № 11815. Т. 16. С. 247–248; «О распространении силы Манифеста от 4 декабря 1762 года на тех только, кто до состояния оногo Манифеста из отечества своего самовольно отлучились». 5 марта 1764 года // ПСЗ. № 12074. Т. 16. С. 600–601.

О конкретных целях, которые преследовало правительство, проводя такую политику, можно судить по программе освоения Новороссийской губернии, подготовленной в 1764 году. В соответствии с этим документом всем иностранным и российским подданным, прибывшим и выходящим из Польши и других мест, наряду с обработкой земель позволялось записываться в купечество. Любый желающий мог основать фабрику и завод, а губернские власти обязывались предоставлять для этого наиболее удобные места. Кроме того, создание пока еще недостаточно распространенных в стране производств давало право беспошлинных продаж как внутри империи, так и за ее пределами в течение десяти лет. Поощрялось распространение коммерции в крае и приграничных турецких владениях¹. Нетрудно заметить, что торгово-промышленная направленность составляет сердцевину представленной программы. И в дальнейшем все правление Екатерины II характеризуется уверенным продвижением к свободе предпринимательства в имперских масштабах. То есть каждому, независимо от звания и положения, разрешалось проявлять коммерческую инициативу — насколько позволят финансовые возможности. Уже в 1769 году правительство даровало право всем, кто захочет, заводить ткацкие станы. Здесь действовал все тот же фискальный принцип: «сколь размножение всякого рукоделия служит к обогащению государства». Поэтому в указе четко прописывались параметры этого «обогащения»: с каждого стана по одному рублю или по одному проценту с капитала ежегодно. Причем квитанция по уплате налога заменяла какие-либо разрешительные документы². Еще одним важным шагом в поощрении предприимчивости стало позволение крестьянам принимать участие в откупах, чем те не замедлили воспользоваться³. Взятый курс закреплял Манифест от 17 марта 1775 года «О Вы-

¹ См.: «О плане раздачи в Новороссийской губернии казенных земель к их заселению». 22 марта 1764 года // ПСЗ. № 12099. Т. 16. С. 666–667.

² См.: Указ «О дозволении всем желающим заводить ткацкие станы, с объявлением о том в Мануфактур-Коллегию и с платежом положенным на них». 30 октября 1769 года // ПСЗ. № 13374. Т. 18. С. 1007–1008.

³ См.: Высочайше утвержденный доклад Сената «О допущении к откупам не только Дворян и разночинцев, но и крепостных людей и крестьян». 13 февраля 1774 года // ПСЗ. № 14123. Т. 19. С. 914–915.

сочайшем даровании разным сословиям милостей, по случаю мира с Портой Оттоманской». Этот примечательный документ — сплав амнистии и льгот. Прощение и прекращение следственных действий для участников Пугачевского бунта объявлялись на фоне дарования экономических свобод. Узаконивалась конкуренция, подтверждался уведомительный порядок устройства любых производств, отменялись специальные сборы с фабрик и заводов¹.

Эти меры вели к демонтажу прежней неповоротливой разрешительной системы и к появлению на российском внутреннем рынке как можно большего количества субъектов товарно-денежных отношений, иными словами тех, кто способен вести торговлю, развивать ремесла, заводить мануфактуры. А наиболее массовым участником хозяйства являлось крепостное крестьянство, и без него оживление экономики едва ли было возможно. О том, насколько стремительно вживалось крестьянство в новые рыночные реалии, свидетельствуют дебаты о крестьянской торговле в ходе работы Комиссии 1767 года. Крупные купцы требовали ограничения растущей крестьянской торговли (вплоть до запрещения розничной), видя в ней подрыв своих коммерческих позиций². Дворянство же, напротив, поощряло участие крестьян в торгах и мануфактурах, усматривая здесь дополнительный источник дохода: по существу, в этом и состояла главная причина интереса правящего сословия к внутренней торговле. Однако у властей планы были гораздо шире. Летом 1777 года вышел специальный указ, разрешающий крестьянам записываться в купечество. В этом документе, который декларировал развитие идей Манифеста от 17 марта 1775 года, упоминались просьбы крестьянин с разных мест о вхождении в гильдии. Дозволение давалось любому крестьянину, обязавшемуся уплачивать гильдейский сбор, а также обыкновенные

Правда, надо заметить, что указ допускал к участию в откупах только тех крестьян, за кого «надежные помещики в исправном платеже откупной суммы обяжутся» // Там же.

¹ См.: Указ «О Высочайше дарованных разным сословиям милостям, по случаю мира с Портой Оттоманской». 17 марта 1775 года // ПСЗ. № 14275. Т. 20 С. 82–86.

² См.: Исторические сведения о Екатерининской комиссии // Сборник Русского исторического общества. Т. 8. СПб., 1871. С. 42–43.